

«ПОТЕРЯННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» В КОНТРОЛЕ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Алексей Георгиевич Арбатов — одно из самых ярких имен среди российских специалистов в области международных отношений. Родился в Москве 17 января 1951 года в семье знаменитого советского американиста и международного, основателя и долгие годы директора Института США и Канады АН СССР / РАН академика Георгия Аркадьевича Арбатова.

В 1973 г. А.Г. Арбатов окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, в 1976 г. — аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Тема его кандидатской диссертации «Американская концепция «национальной безопасности» и политика в области ракетно-ядерного оружия в 60-е годы». В 1982 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Стратегическое равновесие и военно-политический курс США в 70-е годы». В 2003 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Профессиональная карьера А.Г. Арбатова неразрывно связана с ИМЭМО РАН. В 1976—1983 — научный сотрудник, в 1983—1985 — заведующий сектором, в 1985—1994 — заве-

дующий отделом. С 2002 — директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. Одновременно А.Г. Арбатов член правления Стокгольмского института мира (SIPRI) и международного совета Женевского Центра по гражданскому контролю над вооруженными силами (DECAF).

В 1994—2003 он был депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ в составе фракции «Яблоко» и заместителем председателя думского Комитета по обороне. В этом качестве выступал составителем проектов федеральных законов «О статусе участников вооруженных конфликтов и участников боевых действий», «О финансировании оборонного заказа стратегических ядерных сил», «О преемственности верховного главнокомандования» и др. С 2001 г. А.Г. Арбатов занимает пост заместителя председателя Российской Объединенной Демократической Партии «Яблоко». Был членом делегации на переговорах о Договоре СНВ-1 (1991), об обычных вооруженных силах в Европе (1990), рамочного соглашения СНВ-3 (1997).

А. Г. Арбатов — член научно-консультативного совета МИД РФ, руководитель Секции стратегического планирования На-

учного совета при Совете Безопасности РФ. Он является автором 7 книг, ответственным редактором более 10 коллективных монографий, соавтором 30 с лишним коллективных трудов, многочисленных аналитических работ, статей и брошюр по проблемам международной безопасности, разоружения, военной политики, изданных в России и за рубежом. Наиболее известные работы – «Военно-стратегический паритет и политика США» (М.: Политиздат, 1984), «Оборонительная достаточность и безопасность» (М.: Знание, 1990), «The Russian Military in the 21st Century» (Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997), «Безопасность: российский выбор» (М.: ЭПИцентр, 1999), «Ядерное оружие после холодной войны», Московский Центр Карнеги, 2006), «Beyond nuclear deterrence», Carnegie endowment for international peace, 2006), «Уядерного порога» (Московский центр Карнеги, 2007).

24 октября 2007 г. в ИМЭМО РАН состоялась беседа А.Г. Арбатова с ответственным секретарем журнала «Международные процессы» А.В. Фененко.

А.Ф. *Бытует точка зрения о том, что после распада советской системы аналитика переместилась внутрь власти, и мнения профессиональных исследований утратили свою ценность для тех, кто принимает решения. Вы принадлежите к тем немногим ученым-международникам, которые провели «во власти» много времени, знаете ее машину изнутри. Правда ли это, на Ваш взгляд?*

А.А. Не совсем так – я не во власти провел это самое «долгое время». Скорее, я провел его в Академии наук, которая, конечно, была частью власти в Советском Союзе. С изменением политической и экономической системы в России Академия стала гораздо более самостоятельной организацией, хотя и связанной с властью и, особенно, с ее военными и политическими структурами через многочисленные служебные и личные связи и контакты. Примерно так бы я описал свое положение «в системе». В сущности, я прорабо-

тал всю жизнь в Академии наук за исключением десяти лет, когда был депутатом Государственной Думы.

Теперь о главном. После распада Советского Союза и советской системы во власть пришли новые люди. Многие – из академических кругов. Правда, в основном это были «пришельцы» с очень небольших научных должностей и званий, и уровень их знаний был невысок. Однако власть тут же стала «интеллектуально самодостаточной», точнее, она так про себя думала. Власть не интересовалась мнением академического сообщества, отвергая его интеллектуальный потенциал на том основании, что он был создан в рамках авторитарной политической системы СССР и якобы не соответствовал новым требованиям времени, внутренней и внешней политики демократической России.

В этом плане новые чиновники, скоропелые государственные деятели, вышедшие на авансцену в первой половине 1990-х годов, повторили путь большевиков. Последние, придя к власти в конце 1917 года, разом перечеркнули весь тот интеллектуальный потенциал, который был создан в рамках Императорской Российской академии наук, в среде кадрового российского чиновничества. Большевики заявляли, что все накопленные знания – «замшелые пережитки прошлого» и не годятся для социалистической России. Сама причастность к прежним интеллектуальным слоям превращала людей в «персоны нон грата», с точки зрения новых властных структур.

Конечно, в 1990-х годах в условиях зарождавшейся российской демократии с представителями прежних государственных и научных сфер не обходились так жестоко, как поступали с ними большевики, которые многих ученых просто физически уничтожали или изгоняли из страны. Потом, в 1930-х годах и в конце 1940-х – начале 1950-х они уничтожали тех, кто остался жив, и отбросили советскую науку по многим передовым направлениям далеко назад.

Вся эта трагическая и кровавая история хорошо известна, хотя в последнее время

она начинает все больше затушевываться — в том числе даже усилиями, предпринимаемыми на официальном уровне. Так или иначе, в 1990-х годах, как и после большевистской революции, деинтеллектуализация власти была налицо. Мне кажется, это во многом объясняет катастрофическое снижение уровня профессионализма и компетентности чиновничества, уровня организации разработки и принятия государственных решений, утративших подпитку со стороны солидных ученых и научных институтов, но окруживших себя многочисленными новоявленными «всезнайками» и откровенными шарлатанами, не «запятнавшими» себя советским прошлым. Это явление наиболее очевидно проявилось на протяжении большей части 1990-х годов в экономике, внутренней, внешней и военной политике.

При советской власти наука была лишена самостоятельности, но неплохо финансировалась, уважалась в обществе и могла на политику некоторым образом влиять в жестко обозначенных идеологических рамках. А в ранне-демократической России наука обрела абсолютную свободу и от политического контроля, и от денег, общественного статуса, влияния на власть.

А.Ф. А когда, по Вашему мнению, произошел поворот?

А.А. Коренного поворота ни с ролью науки, ни с созданием эффективной системы принятия научно обоснованных государственных решений, к сожалению, не произошло до сих пор. Но некоторые явные признаки улучшения ситуации, тенденции к возрождению профессионализма, попытки выстроить эффективный механизм принятия решения все же есть. Во всех сферах наметилось осознание важности роли государства, особенно в такой стране как Россия. Предпринимаются попытки восстановить авторитет государственных органов и статус государственных служащих. Как всегда бывает в России, имеет место перекокс в другую крайность: государство слишком вмешивается в эко-

номику и общественную жизнь. Разумный и необходимый контроль и арбитраж государства перерастает в фактическое слияние чиновников и ведомств с кланами крупного бизнеса и отдельными политическими партиями. Но, что безусловно хорошо — возрождаются постоянные связи власти и академической науки через разные консультативные советы, конференции, привлечение к разработке важных концепций, законов и государственных документов. Заметно улучшилось финансирование науки через исследовательские проекты и программы под эгидой РГНФ, РФФИ и других фондов. Эти перемены начались с конца 1990-х годов, но особенно заметны стали в последнее время.

А.Ф. Молодежная среда сегодня очень озабочена карьерой, в том числе на уровне практической политики. Как Вы думаете, что в первую очередь ценится в тех, кто претендует на карьеру в политике, кто на самом деле имеет шанс войти в то, что называется «новой сменой»? Ведь основные персоны, ответственные за формулирование политики в сфере международных отношений за последние 15 лет, остаются на своих местах. Что в этом от закономерности, а что от стечения обстоятельств?

А.А. Вопрос довольно запутанный. Персоны, формирующие внешнюю политику, за последний 15 лет сменились несколько раз. Насколько я понял вопрос — когда речь идет о внешнеполитической сфере, главным качеством для успеха служит интерес к своему делу и готовность пожертвовать сиюминутными материальными благами ради стабильного и основательного профессионального роста.

Это — своего рода стратегия жизненной карьеры. В нашей области профессиональная подготовка — это не только учеба в вузах, но и работа в государственных и академических внешнеполитических организациях. Умение сначала стать специалистом, а потом «взять свое» — не на основе «хапка» («кто не успел, тот опоздал»), а на базе прочных знаний и опыта, давших долгую и упорную работу.

Только она в конечном итоге делает человека специалистом, гарантирует авторитет и признание, определяет статус, репутацию, выводит к национальной и международной известности.

Материальные блага в конечном итоге тоже придут — может быть, не такие, как в «нуборишевском бизнесе», но достаточные для достойной жизни. Репутацию специалиста высокого уровня, не поддаживающегося под зигзаги «высокой политики», нельзя приобрести за деньги, но легко за деньги потерять. Она, как и профессиональный уровень, нарабатывается десятилетиями. Но зато, придя однажды, профессиональная репутация и авторитет становятся неразменной монетой, золотым фондом каждого человека. Такое богатство глупо растрачивать по пустякам, и им не стоит жертвовать ради сиюминутных материальных благ или карьерных скачков.

А.Ф. Ваш путь в профессии, конечно, для многих людей кажется одновременно и образцовым, и уникальным. Вы — представитель одной из немногих, но славнейших династий международников. Могли бы Вы сказать, что именно и примерно на каких этапах помогало или мешало Вашему профессиональному росту? Что Вы сами «любите больше» и «любите меньше» в своей работе?

А.А. Если говорить о династии, то это громко сказано. Династия предполагает наличие многих поколений. Я международник всего лишь во втором поколении. Мой отец, Георгий Аркадьевич Арбатов¹, был и остается международником, хотя формально он числится на пенсии. Ни один из его предков не был международником — ни по линии матери, ни по линии отца (хотя его отец и мой дед недолго работали в торгпредстве в Германии в начале 30-х годов). Правда, моя жена — известный специалист по европейской политике, но и ее родители не имели отношения к международным делам. Наша дочь тоже не является международником. Так что Арбатовы — очень коротенькая династия, которая состоит только из двух поколений.

Говорить о самом себе всегда приятно, но довольно неловко... Если коротко о трудностях и преимуществах, то на первом этапе моей учебы в МГИМО МИД СССР, который я закончил в 1973 году, и в течение последующих примерно пятнадцати лет работы в ИМЭМО АН СССР/РАН все-таки было больше преимуществ. У меня всегда был пример перед глазами. Я всегда мог обратиться за советом, консультацией к отцу, который занимал в те годы достаточно высокое положение. В этом смысле у меня было преимущество перед его многочисленными коллегами, учениками, аспирантами. Ведь даже они имели к нему ограниченный доступ, поскольку отец постоянно был занят, а их было много. В этом плане я имел, несомненно, выигрышное положение, поскольку мог общаться с ним дома. Мои первые довольно наивные и простенькие статьи отец читал и зачастую беспощадно меня за них критиковал, ставляя много раз переделывать. Немногие научные сотрудники института, которым он тогда руководил, могли рассчитывать на такое внимание.

Преимуществом была среда, в которой я рос и общался — академическая и дипломатическая среда. Я стал с достаточно ранней молодости участником обсуждения важнейших международных политических и экономических проблем. Сначала как слушатель, но затем понемногу и как участник серьезных разговоров. Конечно, и репутация, связи отца мне тоже помогали. Это были огромные преимущества, за которые я благодарен судьбе.

Единственное, что я могу сказать в свое «оправдание» — то, что я никогда не уповал на эти объективно данные мне блага, а старался сам через свои работы доказать, что я и сам из себя тоже кое-что представляю. Мне было важно доказать, что не просто фамилия папы служит мне главным парусом. Например, Не репутация папы помогла мне с «красным дипломом» окончить МГИМО. Вряд ли положение отца помогло мне за два года защитить кандидатскую диссертацию, а в 1982 году

защитить докторскую диссертацию и стать на тот момент самым молодым доктором во всей советской Академии наук.

Но постепенно преимущества стали уходить, а проблемы и трудности – выходить на передний план. В конце 1980-х и в 1990-х годах с обострением внутривнутриполитической борьбы моя фамилия, мои родственные связи стали создавать для меня все более серьезные проблемы. Я уже возглавлял в ИМЭМО отдел и крупную научную школу и имел огромное количество печатных трудов – все, как положено. Но когда в конце 1990-х годов мой родной ИМЭМО выдвинул меня на звание члена-корреспондента РАН, секция и Отделение мою кандидатуру поддержали, но Общее собрание Академии наук меня не утвердило³. Через два года меня снова выдвинули – и опять с треском прокатили. Только с третьего раза, в 2003 году, с небольшим перевесом я был избран членом-корреспондентом РАН. При том, что этого звания, по мнению очень многих ученых самого высокого уровня, я заслуживал еще в момент первого выдвижения. Вот когда все «припомнилось»: враги моего отца и мои собственные враги составили достаточно большую группу, а многих просто фамилия раздражала и тот факт, что я тогда был депутатом Думы. Они и пытались подорвать мою карьеру.

Интересная закономерность. *Если твой отец или родственник – известный человек с ясной профессиональной и жизненной позицией, то врагов ты «унаследуешь» от него гораздо больше, чем друзей.* Друзья будут в принципе к тебе хорошо относиться, но ты еще должен будешь доказать им, что достоин их доверия, помощи и поддержки. Автоматически дружба не передается. А вот врагам ничего специально доказывать не надо. Достаточно одной фамилии, на которую они реагируют как бык на красную тряпку. Они не вдаются в конкретику. Вражда к отцу переносится на сына автоматически. Во всяком случае, мой опыт свидетельствует как раз об этом. С подобным я сталкивался везде – и в Академии наук, и в Государственной Думе, депута-

том которой я был с 1993 по 2003 год, и во всех кругах, где я сейчас вращаюсь.

Теперь моя фамилия создает мне гораздо больше трудностей, чем преимуществ. Хотя нужно отметить с большим удовлетворением и радостью: нередко приходится встречать людей и в Москве, и в провинции, которые помнят и уважают моего отца.

А.Ф. Политологи любят давать периодизацию внешней политики по датам выборов или смене президентов – «политика администрации Буша (Путина, Меркель...)». Американские коллеги обожают говорить о том, что фундаментальный сдвиг – события 11 сентября 2001 года. У Вас, наверное, может быть собственная логика оценки мировых событий. Вы могли бы назвать какие-то переломные моменты за последние 15 лет, на Ваш взгляд значимые с точки зрения развития международных отношений?

А.А. Вы задаете вопрос, ответом на который должна быть книга. Но если говорить о глобальной политике, то за последний период первым поворотным моментом было, конечно, прекращение «холодной войны» в конце 1980-х годов, роспуск Организации Варшавского договора и распад Советского Союза. Затем в течение нескольких лет – на протяжении большей части 1990-х годов – имела место эйфория. На Западе она выражалась в уверенности, что «демократическая Россия нам теперь не враг» и никаких причин для конфронтации и противоречия не осталось. Полагали, что Россия будет впредь всегда выступать единым фронтом с Западом, где по понятным причинам ключевую роль играли США как ведущая страна западного мира.

На российской стороне тоже существовала эйфория. Была в чем-то наивная вера в то, что если Россия идет по демократическому пути, то Запад позаботится о ее интересах, будет помогать нам, учитывая какие-то особенности экономического и геополитического положения России. Отсюда следовало мнение о том, что формулировать собственные национальные ин-

тересы не обязательно. Словом, «Запад нас не подведет» и «Заграница нам поможет».

Такие мнения отчасти были напрямую сказаны с зависимостью российских экономических реформ от кредитов и огромной финансовой помощи Запада в 1990-х годах. Во всех крупных международных вопросах, включая переговоры по разоружению, Россия шла в фарватере американской внешней политики.

На рубеже нового века наступило отрезвление, и это было вторым поворотным моментом. Возвращение к реальности началось с первого расширения НАТО на восток, который совпал с агрессией этого альянса против Югославии. Это был, конечно, страшный шок для России.

Я всегда был лишен каких-либо иллюзий просто потому, что хорошо знал Запад к моменту окончания «холодной войны», общаясь с представителями США, НАТО, Западной Европы и Японии. Я прекрасно представлял, что если мы не позаботимся о своих интересах, то никто о них заботиться не будет, не говоря уже том, что определить их никто не может лучше нас. Кстати, это напрямую и доверительно мне говорили многие западные коллеги. Реагируя на мое раздражение по поводу тех или иных шагов Запада, они удивлялись: «А почему же вы на официальном уровне не формулируете свои претензии и позиции? Мы же не можем за вас обозначить ваши интересы! Если бы вы сказали открыто и убедительно о том, чего вы хотите, то мы бы естественно это приняли во внимание».

Еще один аспект поворотного момента того времени — на авансцену мировой политики вышел Китай. Конец 1990-х — примерно через двадцать лет после начала реформ Дэн Сяопина — все обратили внимание на КНР. В 1980-х годах существовала фольклорно-туристическая увлеченность западных стран Китаем: он казался «милым и интересным» — особенно после того, как много лет казался «страшным». Но увидев мощный экономический рост Китая, заметив китайские мероприятия в области модернизации военного потенциала, все более рельефную линию в ми-

ровой политике, на Западе стали относиться к КНР как к серьезному (может быть, самому серьезному) фактору международных отношений нового времени...

Наконец, я бы выделил, если говорить о глобальном переломе, тот момент, когда Соединенные Штаты в конце 1990-х годов и еще более в начале 2000-х годов решили, что им «никто не нужен». Америка уверилась в своей силе настолько, что у нее возник соблазн перестать считаться с Россией, потому что она очень слаба, с Китаем — так как он еще не силен как конкурент, с Европейским Союзом и Японией — потому что им все равно «некуда деться».

Возникло мнение о том, что Соединенным Штатам не обязательно действовать через международные организации, уважать нормы международного права, продолжать процесс ограничения и сокращения ядерных и обычных вооружений. С тех пор США пробуют «идти своим путем», а весь окружающий мир, по их мнению, «должен» с этим мириться. Конечно, этот курс США был возведен в абсолют после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.

Следующий, третий, перелом наступает сейчас. США безнадежно увязли в войне в Ираке. Евросоюз погрузился в решение проблем внутри ЕС. Россия, Китай, Индия и многие другие страны демонстрируют растущую самостоятельность на международной арене, а некоторые — такие, как Иран, Венесуэла, КНДР, Куба, бросают США открытый вызов, а подчас прямо их провоцируют, пользуясь провалом Вашингтона в Ираке. Начинается совершенно новый этап мировой политики и новая глобальная игра.

А.Ф. А если говорить о России? Вы бы рискнули назвать главное достижение и главную «проблему» внешней политики России в 2000-х годах? А может быть, таких проблем насколько...

А.А. Важнейшее достижение состоит в том, что Россия стала вновь самостоятельным государством. Во многом помогли объективные обстоятельства: подъем

цен на энергоносители, который позволил России добиться быстрого экономического роста. Российская Федерация избавилась от долговой зависимости, которая связывала по рукам и ногам российскую политику в 1990-х годах.

В целом ряде вопросов проявилась самостоятельная внешнеполитическая линия – в вопросах о войне в Ираке, ситуации в Косово, по Ирану, КНДР, противоракетной обороне, судьбе режима сокращения/ограничения ядерных и обычных вооружений, нераспространения ядерного оружия, борьбы с международным терроризмом. В ряде вопросов подходы России и Запада совпадают, в других случаях – нет. Россия проводит свою линию, в том числе в отношениях с теми странами, которые Западу не нравятся, но не обязательно должны быть поэтому врагами России. Речь идет о Югославии, Китае, Иране, некоторых других странах Азии и Латинской Америки.

Более самостоятельная линия, присущая политике великой державы, – сама по себе является достижением. Россия увеличила свой финансово-экономический вклад в мировые дела, международные организации, миротворческие операции – это важные достижения. Россию в мире «снова заметили», вновь стали с ней считаться, хотя, может быть, далеко не с радостью, а с большим неудовольствием.

Проблема в том, что, *передвинувшись с 22-го на 7-е или 8-е место по валовому внутреннему продукту, Россия по-прежнему зависит от экспорта энергоносителей. Это очень уязвимое положение, недостойное великой державы.* Хотя подъем заметен не только в экспортно-сырьевых отраслях, главный двигатель экономического роста остается в них. Попытки диверсифицировать экономику предпринимаются, но они не очень удачны. Продолжается движение по пути монополизации и слияния бизнеса с государством.

От этой экономической реальности очень многое зависит в политике. Цены на нефть – неустойчивый фактор. Они могут и дальше расти, но могут и упасть.

Если бы российская экономика и экспорт были высокотехнологичными, положение было бы стабильней. Это относится ко всем областям жизни.

Взять хотя бы военный потенциал. Президент В.Путин недавно заявил, что российский военный бюджет в 25 раз меньше американского. Я думаю, что надо не радоваться, а огорчаться. Значительно увеличить военный бюджет мы не можем, потому что наш общегосударственный бюджет относительно невелик. Он значительно вырос по сравнению с 1990-ми годами, как и ВВП в целом, но он все равно не соответствует претензиям на статус одной из великих держав. Весь нынешний российский ВВП чуть больше двух американских военных бюджетов. Имея 2–3% мирового ВВП, имея меньшую долю в мировой торговле и мировых финансах, меньший военный бюджет, чем у Великобритании, Франции и даже Китая, претендовать на ведущее положение в мире весьма проблематично..

Разновекторность внешней политики – это хорошо, мы великая и трансрегиональная держава. Но важно внимательно следить за тем, чтобы разновекторность не превратилась во фрагментарность. Когда на всех направлениях предпринимаются одинаково интенсивные внешнеполитические действия, то непонятна их взаимосвязь, соподчиненность, магистральная направленность. Где главные партнеры, а где главные угрозы?

Все время говорится о том, что главный приоритет – отношения с соседями по СНГ. Однако политически мы со многими из них поссорились из-за цен на энергоносители и платы за транзит, а объемы торговли не растут или растут медленно. Россия вроде бы борется вместе с США с международным терроризмом, но в этой сфере все больше разногласий и споров. Говорим о том, что заинтересованы в продолжении переговоров о разоружении, но инициативной политики в этом плане давно не заметно. А может быть, стоит попробовать заставить США и НАТО слушать наши предложения в увязке с други-

ми вопросами мировой политики. Не прислушиваться, а слушать и реально учитывать и реагировать на наши интересы и инициативы – в этом искусство политики, в конце концов.

Руководители нашей страны в одном месте говорят, что Россия – это европейская страна, в другом месте объявляют, что Россия – евразийское государство, в третьем – что мы чуть ли не исламская страна. То российские руководители говорят, что Ирану нельзя вести обогащение урана, то – что он имеет право на «мирное обогащение». Подобные неувязки могут превратить российскую внешнюю политику из целенаправленного курса в непредсказуемый «дрейф».

Сохраняется нескоординированность действий ведомств. Министерство иностранных дел говорит одно, а Министерство обороны делает совсем другое. Иные ведомства тоже не играют как одна команда...

Президент России выступил с заявлением о необходимости иметь «какое-то продолжение» после истечения срока действия Договора СНВ-1 в 2009 году. Но ведь уже есть Договор СНП от 2002 г. сроком до конца 2012 года. Значит, следует превратить СНП в настоящий договор с правилами зачета, системой контроля. Если это не получается, то почему должно получиться с еще одним, новым договором? И что тогда делать с СНП?

Самое время начать переговоры о недопущении гонки вооружений в космосе. Однако пакета продуманных предложений такого рода так и не выдвинуто, а если он и предложен, то где-то по-тихому, кулуарно и, насколько можно судить, на основе старых и не реализованных еще 1980-х годов советских предложений. Нужен комплект новых предложений на базе их тщательной проработки в МИД, Министерстве обороны, в разведке, Академии наук; но ничего подобного пока нет.

Объявили мораторий на Договор ОВСЕ и собираемся выйти из него в декабре с.г. В самом деле, затяжка стран НАТО с ратификацией адаптированного ДОВСЕ возмутительна, а их доводы о российских ба-

зах в Грузии и Молдавии неубедительны. Россия обеспокоена расширением НАТО на восток и возможностью размещения крупных контингентов в прибалтийских странах, которые не вступили в ДОВСЕ. Но станут ли эти угрозы меньше, если Россия выйдет из ДОВСЕ или, наоборот, они еще больше возрастут? МИД-то, конечно, обоснует законный выход РФ из Договора, а что Минобороны и наш ОПК? Планируют ли они существенное наращивание российских сил сверх квот Договора, если мы ежегодно покупаем 30 танков, 120 бронемашин и 9 самолетов и вертолетов? Говорят: зато мы не будем принимать их инспекторов и предоставлять информацию о наших силах. Но и они не будут. А кому такая информация важнее в свете расширения НАТО и ее многократного превосходства по вооружениям над Россией? Примеры можно множить, но мне кажется, что если «разновекторность» во внешней политике в разумных пределах приемлема, то внутри государственных органов – недопустима. Правда, недавние предложения Путина по поводу противоракетных систем в Азербайджане вселяют некоторый оптимизм...

А.Ф. В этой связи у меня вопрос, близкий к Вашей профессиональной сфере. Студенты даже в провинциальных вузах до сих пор с восторгом читают Вашу книгу «Военностратегический паритет и политика США», которая была опубликована в 1984 году. Не кажется ли Вам странным, что спустя двадцать три года мы вновь стали говорить о том, что детально было проработано в Вашей монографии? Спорим о противоракетной обороне (ПРО), ракетах средней и меньшей дальности, подлетном времени, опасности ограниченных ядерных конфликтов...

А.А. Это вопрос очень хитрый и очень интересный. Во-первых, спасибо за комплимент. Мне очень приятно, что та книга вот уже четверть века интересна читателям.

Во-вторых, недавно один борзописец, претендующий считаться специалистом, выскочил неизвестно откуда и стал аргу-

лярно выступать в печати, обвиняя меня в том, что я изменил свою позицию. Он приводил обширные цитаты, доказывая, будто я «перекрасился». Мне пришлось перечитать свою книгу, чтобы убедиться, что ее основные положения и сейчас остаются справедливыми.

Необходимость стратегического паритета между СССР и России, с одной стороны, и США — с другой. Важность равноправных договоров о сокращении вооружений. Необходимость очень осторожного отношения к таким, на первый взгляд, привлекательным системам, как противоракетная и противовоздушная оборона, — они тоже ведь могут на самом деле оказаться источниками дестабилизации.

Разумеется, обсуждая эти сюжеты сегодня, не нужно использовать прежний «идеологический гарнир», который был необходим в 1980-х годах. Но если от него отвлечься, то во всех существенных положениях моя позиция не изменилась.

Стратегическое положение во многом осталось таким же. Почему? Об этом ведь Ваш вопрос: вернулись ли мы к тому состоянию мира, в котором он находился в момент написания той старой книги?

Надеюсь, к «холодной войне» мы не вернулись, хотя действительно теперь живем в условиях «холодного мира». Прежней эйфории, о которой я говорил выше, тоже нет. Даже немного в противоположную от нее крайность заносит, как это часто бывает и в России, и на Западе. Раньше твердили, что все было хорошо, а теперь стали говорить, что все плохо. Также неправильно.

Самое главное заключается в том, что за пятнадцать лет после 1991 года было сказано море слов по поводу того, что Россия и Запад не враги. Но на практике наши стратегические отношения остаются отношениями взаимного ядерного сдерживания. Они основаны на безусловной способности каждой стороны уничтожить противника и первым, и ответным ударом, если противник нанесет первый удар. Это положение было основой концепции паритета. Оно определяло уровни допустимого сокращения вооружений.

Однако с политической точки зрения конфликт между Россией и США с применением ядерного оружия стал невыносимым. Значит, надо было взамен взаимного ядерного сдерживания выработать новую систему взаимоотношений. *Это не обязательно означало бы ядерное разоружение. Скорее, мог подразумеваться переход к системе отношений, которая существует между Великобританией и Францией или между Индией и США. Они имеют ядерное оружие, могут друг друга достать, но такой конфликт не планируют.* Они не строят свои отношения на основе взаимного ядерного сдерживания.

Ничего подобного между Россией и США не возникло. Политические руководители в Москве и в Вашингтоне не поднимали этого вопроса, не придавали ему важности. Поддавшись эйфории 1990-х годов, они сочли, что раз мы не враги, то все остальное неважно. Но в области внешне-стратегических отношений мы остались потенциальными противниками, хотя перестали об этом говорить. Более того, тех, кто об этом напоминал, в России и в еще большей степени в США называли «ретроградами», людьми, не усвоившими «нового мышления» и продолжающими мыслить категориями «холодной войны» и ядерного противостояния.

Но на первом месте должны быть не слова, а дела. А они таковы, что ядерные боеголовки продолжают быть нацеленными друг на друга. Рецидив «холодной войны» состоит в этом, а не в том, что мы призываем вести переговоры по данному поводу.

Реальная материальная база отношений России и США по-прежнему воплощает старый тип отношений — ядерное сдерживание. Вот почему в Москве снова говорят о необходимости противодействия американской ПРО. Даже ставится вопрос о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, обосновывая это необубедительными, на мой взгляд, аргументами.

Если проблемы не решать основательно и вовремя, то они начинают разрастаться и рано или поздно все равно выхо-

дят из-под контроля. Словом, если не заниматься ядерным оружием, то ядерное оружие обязательно займется тобой.

В России пятнадцать лет не занимались серьезно переговорами по ядерным вооружениям. С 1991 г. не вступило в силу ни одно соглашение, ни один договор в этой сфере. Договоры СНВ-2, СНВ-3, Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях³ не подписаны или не ратифицированы. Договор об СНП подписан, но не вступил в законную силу и в будущем без СНВ-1 он не сможет даже условно существовать⁴. Это наследие периода безответственности, непрофессионализма, непонимания проблем российскими и западными лидерами.

Фоном всему служит начавшееся еще в 1994 г. и продолжающееся до настоящего времени расширение НАТО на восток. Процесс, против которого я и многие мои коллеги выступали. Мы пожинаем плоды десятилетнего бездействия.

А.Ф. Большое спасибо, Алексей Георгиевич, за Ваше внимание к читателям нашего журнала.

Примечания

¹ Арбатов Георгий Аркадьевич (р. 1923) – видный российский политолог, ученый-американист. Основатель и в 1967–1995 годах – директор Института США и Канады АН СССР/РАН. В наст. время – почетный директор ИСКРАН.

² Право выдвижения кандидатов в действительные члены РАН (академики) и члены-корреспонденты РАН предоставляется научным организациям и высшим учебным заведениям. Выдвижение кандидатов проводится на заседаниях ученых и научно-технических советов или президиумов путем тайного голосования. При избрании кандидатов в члены-корреспонденты РАН на секции (и их утверждении на Общем собрании отделения) в голосовании принимают

участие все члены РАН, состоящие в данной секции (отделении) и присутствующие на собрании. Избрание и утверждение кандидатов проводятся тайным голосованием.

³ *Договор СНВ-2* (Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений) был подписан между Россией и США 3 января 1993 года. Сенат США ратифицировал его в январе 1996 года. Однако в России сначала Верховный Совет (1993), а затем Государственная Дума (1995) отказались рассматривать вопрос о ратификации СНВ-2. По мнению российской стороны, договор содержал ряд невыгодных условий для России.

С целью корректировки условий СНВ-2 Россия и США подписали в сентябре 1997 г. пакет Нью-Йоркских договоренностей. Однако Сенат США отказался их ратифицировать. Федеральное Собрание РФ ратифицировало СНВ-2 в апреле 2000 года, сделав при этом две оговорки. Первая – Договор действует только совместно с Нью-Йоркскими договоренностями. Второе – договор СНВ-2 действует в пакете с Договором по ПРО. Поэтому после выхода Соединенных Штатов из Договора по ПРО в июне 2002 г. Договор автоматически прекратил действие.

Проект Договора СНВ-3 был разработан экспертами России и США в 1996 году. Однако из-за разногласий сторон переговоры по нему остановились.

Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ) – многосторонний договор, открытый для подписания в сентябре 1996 года. Для его вступления в силу необходима ратификация договора третью подписавших его государств, причем только тех, которые имеют технологии замкнутого ядерного топливного цикла. Поэтому в настоящее время ДВЗЯИ в действие не вступил.

Переговоры по разработке многостороннего *Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях* были инициированы Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 году. Однако до настоящего времени не согласован даже проект этого документа.

⁴ *Договор СНВ-1* (Договор между СССР и США о сокращении стратегических наступательных вооружений) был подписан 31 июля 1991 г. и вступил в силу 5 декабря 1994 года.

24 мая 2002 г. был подписан *Договор СНП* (Договор между Россией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов). Он предусматривает сокращение к 2012 г. ядерных боезарядов до 1700–2200 единиц у каждой из сторон к 2012 году.